

Несмотря на то что она была невысокого мнения о браке и о мужчинах вообще, замужество всегда было ее целью. Только оно создавало для небогатой образованной женщины достойное общественное положение, в котором, если ей не суждено было найти свое счастье, она хотя бы находила защиту от нужды.

*Джейн Остин. Гордость и предубеждение
(Перевод И. Маршака)*

*Коттедж Нетли, Биддингтон,
графство Дорсетшир, 1818*

— Вы не намерены жениться? — не веря своим ушам, переспросила мисс Тэлбот.

— Боюсь, что так, — подтвердил мистер Чарльз Линфилд, состроив ободряющую и в то же время смущенную мину. С таким выражением лица признаются, что вынуждены уйти с дня рождения друга, а не расторгают заключенную два года назад помолвку.

Китти устремила на него недоуменный взгляд. А недоумевать Кэтрин Тэлбот — Китти для родственников и ближайших друзей — не привыкла. Напротив, в семье и среди жителей Биддингтона она славилась быстрым умом и практичностью, талантом выбираться из затруднительных обстоятельств. Однако сейчас Китти растерялась. Она выйдет замуж за Чарльза — уже несколько лет такое будущее представлялось ей неизбежным. И вдруг свадьбе не бывать? Что можно сказать, что можно почувствовать под бременем подобных новостей? Все изменилось. И только Чарльз выглядел как обычно в своей повседневной одежде — Китти видела ее тысячи раз. С нарочитой небрежностью, какую может себе позволить только богатый джентльмен, он носил затейливо вышитый,

небрежно застегнутый жилет, безвкусно яркий шейный платок, скорее перекрученный, нежели повязанный.

«Мог бы, по крайней мере, — подумала Китти, с нарастающим негодованием глядя на этот отвратительный платок, — принарядиться ради такого случая».

Толика ее гнева, очевидно, отразилась на лице, поскольку Чарльз мгновенно сменил мину с возмутительной покровительственно-виноватой на по-детски обиженную.

— Ах, не смотрите на меня так! — воскликнул он раздраженно. — Если на то пошло, официально мы ничего друг другу не обещали.

— Не обещали официально?..

К Китти не только вернулось присутствие духа — ее охватила ярость. Никчемный обманщик!

— ...Да последние два года мы только и говорили, что о свадьбе! Отложили ее лишь из-за смерти моей матери и болезни отца. Вы обещали — мне! Вы так много мне всего обещали.

— Просто детская болтовня, — возразил он и добавил с ослиным упрямством: — Кроме того, не мог же я все отменить в тот момент, когда ваш отец стоял на пороге смерти. Это не дело.

— Полагаю, теперь, когда его не стало — и месяца не прошло, как он в могиле, — вы наконец можете порвать со мной? — спросила она гневно. — Теперь совсем другое «дело»?

Собеседник пробежался рукой по волосам и бросил взгляд на дверь.

— Пожалуй, нет смысла разговаривать, пока вы в таком состоянии. — Он напустил на себя вид человека, подвергшегося жестокому обращению

и истощившего остатки терпения. — Мне лучше уйти.

— Уйти? Нельзя мимоходом выложить такие новости и не объясниться. Мы виделись на прошлой неделе и планировали свадьбу на май — почти через три месяца.

— Лучше бы я отправил письмо, — пробормотал он, словно разговаривая сам с собой, и снова тоскливо взглянул на дверь. — Мэри сказала, что этот способ самый верный, но, думаю, с письмом было бы проще. Я не могу собраться с мыслями, когда вы так визжите.

Погасив нарастающее раздражение, Китти, ведомая чутьем истинной охотницы, ухватила за действительно важные сведения.

— Мэри? — резко переспросила она. — Мэри Спенсер? И какое отношение к происходящему имеет мисс Спенсер? Я и не догадывалась, что она вернулась в Биддингтон.

— Ах, да-да... скажем так... она... то есть... — промямлил, запинаясь, мистер Линфилд; на его лбу проступил пот. — Матушка пригласила ее какое-то время пожить у нас. Моим сестрам очень полезно поддерживать знакомства с другими дамами.

— И вы обсуждали с мисс Спенсер расторжение нашей помолвки?

— О да, и она проявила такое понимание, такое участие к... к нам обоим. Должен сказать, я был признателен ей за возможность... с кем-то об этом поговорить.

Помолчав, Китти спросила словно невзначай:

— Мистер Линфилд, вы намерены сделать предложение мисс Спенсер?

— Нет! То есть, как сказать... мы уже... И я подумал, что лучше прийти к вам...

— Понимаю, — откликнулась Китти и действительно все поняла. — Право, мистер Линфилд, не могу не отдать должное вашей самоуверенности. Требуется недюжинное проворство, чтобы сделать предложение одной женщине, будучи обреченным с другой. Bravo!

— Вот всегда вы так! — пожаловался мистер Линфилд, наконец-то набравшись храбрости. — Все переворачиваете с ног на голову, так что невозможно понять, где верх, а где низ. А вам не приходило на ум, что я хотел пощадить ваши чувства? Но вы сами вынуждаете меня сказать правду. Если я собираюсь чего-то добиться на политическом поприще, вряд ли мне это удастся с такой женой, как вы.

Китти поразил его язвительный тон.

— И как прикажете это понимать? — требовательно спросила она.

Он раскинул руки, словно приглашая ее оглядеться по сторонам. Китти приглашению не последовала. Она прекрасно знала, что именно увидит, поскольку входила в эту комнату каждый день: потрепанные кресла, теснящиеся перед камином, где теплее, некогда элегантный ковер у очага, ныне изъеденный молью и потертый, пустые полки, на которых прежде стояли книги.

— Может, мы и живем в одном городе, но мы из разных миров! — Он снова повел рукой. — Я сын сквайра! Матушка и мисс Спенсер помогли мне понять, что, если я намерен сделать себе имя, мезальянс для меня недопустим.

Никогда прежде Китти не ощущала с такой остротой биение собственного сердца, стучащего, как барабан, в ее ушах. Женитьба на ней — мезальянс?

— Мистер Линфилд, — промолвила она мягко, но не без яда в голосе, — пусть между нами больше не прозвучит ни слова лжи. Вы не высказывали никаких возражений против нашей помолвки, пока не встретились вновь с очаровательной мисс Спенсер. Сын сквайра, заявляете вы! Не ожидала я от вашей семьи потворства неджентльменским поступкам. Пожалуй, мне следует порадоваться, что вы показали во всей красе бесчестность своей природы прежде, чем стало слишком поздно.

Она наносила каждый удар с точностью и силой Джентльмена Джексона¹, и Чарльз — для нее теперь навсегда мистер Линфилд, — пошатнувшись, попятился в ужасе.

— Как вы могли сказать такое? Неджентльменский поступок! Вы не в себе! — воскликнул он, неловко заламывая руки; пот уже ручьями тек по его лицу. — Я хочу, чтобы мы остались добрыми друзьями. Вы должны понять, Кит...

— Для вас — мисс Тэлбот, — отрезала Китти с ледяной вежливостью. Ярость так и клокотала в ней, но, сдержавшись, она не стала повышать голос и отрывистым жестом указала на дверь. — Извините, но я прошу вас удалиться, мистер Линфилд.

---

¹ Джон (Джентльмен) Джексон (1769–1845) — знаменитый кулачный боец, чемпион Англии в 1795 году.

Он быстро кивнул на прощание и с готовностью, не оглядываясь, спасся бегством.

Китти мгновение стояла недвижно, сдерживая дыхание, словно пыталась остановить дальнейшее разрастание обрушившегося на нее несчастья. Она подошла к окну, сквозь которое лился свет утреннего солнца, и, прислонившись лбом к стеклу, медленно выдохнула. Из окна открывался вид на сад: расцветающие нарциссы, заросшие сорняками овощные грядки, куры, занятые поиском личинок. Жизнь снаружи продолжала свое привычное течение, но по эту сторону стекла была бесповоротно разрушена.

Они остались одни, совершенно одни. Им не на кого опереться, с тех пор как умерли мама и папа. Сейчас, в эту мучительную минуту, Китти больше чем когда бы то ни было нуждалась в их совете — и была лишена поддержки. Ей не к кому обратиться. Смятение нарастало. Что же теперь делать?!

Китти могла бы простоять так не один час, если бы ее размышления не прервала самая младшая сестра — десятилетняя Джейн.

Вторгшись в гостиную с апломбом королевского посланца, она требовательно спросила:

— Ты знаешь, где книга Сесили?

— Вчера лежала на кухне, — ответила Китти, не отводя глаз от сада.

Сегодня они должны были очистить от сорняков грядку под артишоки, которые нужно посадить в ближайшее время.

Будто бы издалека она услышала, как Джейн передает Сесили ее слова, а затем докладывает:

— Там она уже смотрела.

— Пусть посмотрит еще раз, — сказала Китти, отсылая сестру нетерпеливым жестом.

Дверь с грохотом открылась и закрылась.

— Сесили говорит, что книги там нет и, если ты ее продала, она очень огорчится, потому что это подарок викария.

— Ради всего святого! — не выдержала Китти. — Передай Сесили, что я не могу заняться поисками ее никчемной книги, потому что моя помолвка расторгнута и мне необходима передышка хотя бы на несколько минут, если моя просьба не слишком вас затруднит!

Как только Джейн сообщила Сесили эту необычайную новость, все домочадцы — четыре сестры Китти и собака Брэмбл — нагрянули в гостиную, моментально заполнив пространство шумом голосов.

— Китти, мистер Линфилд порвал с тобой? Это правда?

— Он никогда мне не нравился, гладил меня по голове, как маленькую.

— Моей книги на кухне нет.

Китти, все еще прижимаясь лбом к стеклу, вкратце рассказала о случившемся. Сестры замолкли, неуверенно переглядываясь. Через несколько мгновений заскучавшая Джейн добрела до скрипучего фортепиано и взорвала тишину, забарабанив по клавишам бравурную мелодию. У Джейн никогда не было учителя музыки, но недостаток таланта она с лихвой возмещала пылом и громкостью.

— Это неслыханно! — наконец возмущенно произнесла Беатрис, в свои девятнадцать лет са-

мая близкая к Китти по возрасту и нраву. — Мне очень жаль, моя дорогая. Должно быть, твое сердце разбито.

— Разбитое сердце? — резко обернулась Китти. — Суть несчастья вовсе не в нем, Беатрис. Отмена свадьбы с мистером Линфилдом означает, что мы погибли. Папа и мама оставили нам не только этот дом, но и умопомрачительные долги. Я рассчитывала на то, что нас спасет богатство Линфилдов.

— Ты собиралась выйти замуж за мистера Линфилда ради его состояния? — спросила Сесили с нотками осуждения в голосе.

Самая образованная в семье, восемнадцатилетняя Сесили обладала, по мнению сестер, чрезмерно развитым нравственным чувством.

— Очевидно, не ради его порядочности и чести джентльмена, — с горечью откликнулась Китти. — Я лишь жалею, что мне не хватило здравого смысла обстричь свадьбу поскорее. Не следовало ее откладывать, когда умерла мама. Я знала, что продление помолвки чревато неприятностями. Подумать только, папа счел, что такой поступок назовут неподобающим!

— Насколько плохи наши дела? — спросила Беатрис.

Китти несколько мгновений молча смотрела на сестру. Как она им расскажет? Как объяснит, что именно может скоро произойти?

— Внушают... серьезные опасения, — произнесла она, тщательно подбирая слова. — Папа перезаложил дом неким господам с весьма сомнительной репутацией. Средства, полученные от про-

даже книг, столового серебра и части маминых драгоценностей, позволят некоторое время держать этих людей на почтительном расстоянии, но в начале июня они вернутся. Осталось четыре месяца. Если к этому времени мы не раздобудем денег или не представим доказательства, что в состоянии заплатить, то...

— Нам придется уехать? Но это же наш дом, — всхлипнула Гарриет, и у нее задрожали губы.

Предпоследняя по возрасту, она обладала более чувствительной натурой, чем Джейн. А та хотя бы перестала играть и притихла на табурете, наблюдая.

Китти не нашла в себе сил огорчить сестер, объяснить, что их положение значительное тяжелее и одним лишь переездом его не поправить. Средства, вырученные от продажи коттеджа Нетли, едва покроют долги, а на жизнь ничего не останется. Пойти им некуда, и Китти не имела ни малейшего представления, где достать деньги. Будущее виделось ей в мрачном свете. Разумеется, они будут вынуждены расстаться, иного выбора нет. Китти и Беатрис могут поступить на службу в Солсбери или в одном из ближайших городов побольше — горничными или, если очень повезет, камеристками. Сесили... трудно представить, что Сесили когда-либо проявит желание или способность трудиться, но с ее образованием она может попробовать найти работу в школе. Туда же придется отправить Гарриет — ах, Гарриет еще так мала! Найти для нее школу, предлагающую полный пансион. И Джейн... Миссис Палмер, несмотря на исключительную злобность нрава, все-

гда испытывала к Джейн нечто сродни привязанности. Возможно, удастся ее уговорить, и она приютит малышку, пока та не вырастет настолько, чтобы тоже подыскать работу.

Китти представила, как ветер разносит сестер в разные стороны. Смогут ли они когда-нибудь соединиться снова? Что, если их ждет еще более безрадостное будущее? Перед ее внутренним взором промелькнули видения каждой из сестер, оставшейся в одиночестве, отчаявшейся, голодной. Китти не пролила ни слезинки по мистеру Линфилду — он не стоил ее сожалений, — но теперь слезы подступили к глазам. Девочки и без того многое потеряли. Именно Китти пришлось объяснять им, что мама уже не поправится. Именно Китти принесла им новость о кончине папы. И как она теперь скажет, что худшее еще впереди? Слова покинули ее. Китти не обладала ни маминой способностью как по волшебству ткать из воздуха утешительные речи, ни папиной уверенностью — уж он-то умел убедить кого угодно в благополучном исходе, так что собеседникам оставалось только с ним согласиться. Нет, в их семье Китти отводилась роль того, кто находит выход из затруднительных положений. Но нынешнее препятствие представлялось слишком грандиозным, его не преодолеть лишь волевым усилием. Ей мучительно хотелось, чтобы рядом оказался кто-то, готовый разделить с ней эту ношу, слишком тяжкую для барышни в нежные двадцать лет, но такого человека не было.

Сестры смотрели на нее, даже теперь уверенные, что она найдет способ все исправить — как находила всегда.

И она найдет этот способ!

Момент отчаяния миновал. Она не сдастся так легко, не может себе позволить.

Китти проглотила слезы и расправила плечи.

— До первого июня у нас есть чуть больше четырех месяцев, — подытожила она твердо, отходя от окна. — Полагаю, этого вполне достаточно, чтобы совершить нечто выдающееся. Даже в таком городке, как Биддингтон, мне удалось заманить в свои сети богатого жениха. И пусть негодяй ускользнул, не вижу повода думать, что этот опыт невозможно повторить.

— Вряд ли поблизости живут другие богачи, — заметила Беатрис.

— Совершенно верно! — неестественно бодро откликнулась Китти. — Именно поэтому я должна переместиться на более благодатные пастбища. Беатрис, остаешься за старшую. Я отправляюсь в Лондон.

Нет ничего необычного во встречах с людьми, привыкшими давать экстравагантные обещания. Намного реже встречаются люди, привыкшие такие обещания выполнять. К этим последним и принадлежала мисс Китти Тэлбот.

После унылого утра в гостинице коттеджа Нетли не прошло и трех недель, а Китти и Сесили уже ехали по направлению к Лондону в подпрыгивающем на ухабах дилижансе. Путешествие в тряской повозке, в обществе других пассажиров и домашней живности выдалось нелегким. Вскоре сельские пейзажи Дорсетшира исчезли из виду. Пересекая одно графство за другим, Китти почти неотрывно смотрела в окно — никогда прежде она не уезжала от дома так далеко, все ее поездки ограничивались одним днем.

Китти давно знала, что ей необходимо выйти замуж за богача, но рассчитывала, что этой цели удастся достичь, не покидая Биддингтона и родных. Выгодная партия с Линфилдом была частью плана, задуманного и почти исполненного ею при поддержке матери. За месяцы, прошедшие после маминой смерти, Китти не раз поздравляла себя с тем, что успела так ловко обустроить свое буду-

щее, заполучив мистера Линфилда, живущего поблизости. В самые тяжелые времена возможность ни на мгновение не расставаться с семьей — воистину неопределимый дар. Тем не менее теперь Китти пришлось уехать. По мере удаления дилижанса от Биддингтона тревога, поселившаяся в ее груди, разрасталась с каждой следующей милей. Китти приняла верное решение, единственно возможное для семьи, но разлука с сестрами давалась ей очень тяжело.

Какой же глупышкой она себя выставила, доверившись благородству мистера Линфилда! И вместе с тем было непонятно, почему он так стремительно ее разлюбил. Да, мисс Спенсер — девица хорошенькая, но пресная, как рыба. Столь быстрая смена привязанности со стороны жениха была лишена всякого смысла. К тому же Китти предполагала, что остальные Линфилды не пылают чрезмерной любовью к мисс Спенсер. Что-то здесь не так, но что именно?

— Какая дура! — произнесла она на сей раз вслух и добавила, когда сидевшая рядом Сесили бросила на нее оскорбленный взгляд: — Я о себе. Вернее, это мистер Линфилд — дурак.

Фыркнув, Сесили вернулась к чтению. Когда тяжелый фолиант, дар викария, нашелся, она настояла на том, чтобы взять книгу с собой, невзирая на возражения Китти, считавшей, что столь увесистый предмет не лучший попутчик в дальней поездке.

— Ко всем моим несчастьям ты хочешь добавить еще одно?! — театрально спросила Сесили, когда они укладывали вещи.